

Глава 33. Выпусти все стрелы, и мне станет лучше

Найти императора не составило труда.

Облачившись в расшитое рыбами одеяние гвардейца Цзиньивэй и вооружившись жетоном, дающим право беспрепятственного прохода, Ци Цзю без лишней суеты вошел в алхимическую палату.

Увидев его, старый даос, колдовавший над горнилом, от страха едва не лишился чувств — ноги его подкосились, и он мешком рухнул на пол, перестав подавать признаки жизни.

Император и помыслить не мог, что его непутевый отпрыск окажется настолько дерзким. Монарх попытался было зычным голосом призвать стражу, но голос его сорвался, а руки задрожали так сильно, что он едва не выронил чашу с вином, приготовленную специально для гостя.

На зов никто не пришел. Пробираясь во дворец, Ци Цзю оставил в личных покоях государя небольшое «подношение», которое весьма бесцеремонно обрушило часть кровли.

Вся дворцовая стража и евнухи бросились туда: ловить ассасинов, тушить пожар, разыскивать господина Цзян Шуня... Вспыхнувшая сумятица сыграла Ци Цзю на руку — алхимическая палата оказалась практически беззащитной. Те же немногие слуги, что попадались ему на пути, были аккуратно уложены отдыхать в темных углах до самого рассвета.

— Всего лишь пара слов в указе и оттиск печати.

Опираясь на тяжелый меч с навершием в виде тигриной головы, Ци Цзю по-хозяйски устроился на краю алхимического горна. Сверху вниз он наблюдал за императором, который в своем смятении успел споткнуться трижды.

— Ничего сложного. Я диктую — ты пишешь.

Ци Цзю не требовал указа об отречении. Ему нужна была лишь бумага о благословении брака да распоряжение казначейству выделить побольше серебра, шелков, золота и драгоценностей.

Свадьба опального принца и евнуха — затея настолько абсурдная, что ее хватило бы на три кувшина крепкого вина для обсуждений в любом кабаке. Вряд ли такой указ имел бы реальную силу: узнай об этом почтенные мужи из Ведомства обрядов, они бы всем составом удавились в родовом храме в знак протеста.

Но Ци Цзю и не рассчитывал на законность. Ему просто хотелось порадовать своего маленького инспектора. Плотный шелк императорского указа отлично подошел бы для того, чтобы заклеить окна в их новом доме.

Император смотрел на сына, попирающего священную власть, и всё больше убеждался: в теле его наследника поселился злой дух или горный демон. Гнев боролся в нем со страхом:

— Ты смеешь... Как ты смеешь?!

— Смею, — Ци Цзю кончиком клинка отодвинул чашу с отравленным вином и терпеливо повторил: — Пиши.

«Потише, не то и впрямь помрет от злости, — подала голос Система. — Он всё же император, на нем Небесный Мандат. Смерть сюжетного персонажа обойдется нам слишком дорого».

Как ни крути, император был ключевой фигурой в канве этого мира. Ци Цзю и Система были здесь лишь «доставщиками читов», и преждевременная гибель монарха означала бы грубое вмешательство в судьбу. Мало того что это лишило бы их баллов, так еще и откат мог лишить Ци Цзю сил, необходимых, чтобы прожить обещанные десять лет рядом с Юй Юньляном.

Ци Цзю это прекрасно понимал и мысленно отозвался:

«Я ведь просто веду с ним мирные переговоры».

Система покосилась на ядовитое вино под рукой императора и стальной клинок у его горла:

[...]

Нужно было во что бы то ни стало скрыть от Юй Юньляна эту сторону его принца. Маленький волчонок впитывал всё, чему учил его Ци Цзю, словно губка. Если он научится еще и этому... Система представила главного героя, который каждое утро приставляет нож к горлу императора, чтобы вытрясти из казны серебро на нужды своего покровителя.

Под холодным блеском стали император закончил указ и приложил нефритовую печать. Ци Цзю подцепил еще влажный от туши свиток кончиком меча, придирчиво осмотрел его и, удовлетворенный, отложил в сторону просохнуть.

— Завтра на приеме евнух-писец в Директорате церемоний сменится.

Император, вынужденный подчиниться, побледнел как полотно. Он сверлил глазами чашу с вином.

— ...Почему ты не заберешь трон?

Он мечтал самолично влить этот яд в глотку мятежному сыну. Это не была смертельная отравка — лишь зелье, лишующее воли, превращающее человека в послушную, бездумную марионетку. Император планировал поднести эту чашу на завтрашнем собрании, чтобы навсегда усмирить опального принца.

Теперь же вино стояло перед ним самим.

Ци Цзю, вернувший отраву отцу, вовсе не был безумцем, ведомым лишь порывом. Его действия казались безрассудными, но за ними стоял точный расчет: он знал каждое движение Цзиньвэя, обеих Оград и Директората. Он выбрал единственную ночь, когда весь дворец был погружен в хаос перед великим приемом, и заставил все ведомства гоняться за призрачными убийцами, пока сам делал свои дела.

Именно сегодня император, уверенный, что Шэнь Гэ явится просить власти и денег после взрыва поместья, расслабился и укрылся в алхимической палате, ставшей теперь ловушкой.

— Мирная жизнь стоит того, чтобы за нее побороться, — Ци Цзю легко спрыгнул с высокого горна, опираясь на меч. — А быть императором — слишком хлопотно.

Он не собирался взваливать на себя бремя власти, Небесный Мандат и бесконечные дворцовые интриги. Он был здесь лишь для того, чтобы найти одного волчонка. И раз уж он его нашел, Ци Цзю собирался обустроить им тихое гнездышко, вычистить яд из своего тела, а когда наступит весна — уехать в Янчжоу.

А для этого ему был нужен послушный посредник.

Император окончательно лишился красок.

— Ты... ты хочешь сделать из меня марионетку?!

— Подумай об этом на досуге, — Ци Цзю не настаивал. — Пора на совет, Ваше Величество.

Ночь пролетела мгновенно. На востоке забрезжил рассвет. С первыми лучами солнца над столицей разнесся гулкий звон колокола.

Император, не смыкавший глаз, уже был облачен в парадные одежды с двенадцатью священными узорами, но сейчас он жалко сжался в углу алхимической палаты. Его венец валялся рядом на полу.

Ци Цзю собрался было кликнуть слуг, чтобы те привели государя в порядок перед выходом к Вратам Фэнтянь, как вдруг услышал за спиной хриплый голос:

— Ты думаешь... думаешь, что если прижал меня к стене, то победил? На совете... тебе не поздоровится, если не будешь знать своего места.

Император злобно уставился на него:

— Цзян Шунь...

Услышав это имя, Ци Цзю не сдержался и коротко рассмеялся, заходясь в кашле.

— Что здесь смешного?! — император вздрогнул.

— Цзян Шунь вам больше не помощник.

Ци Цзю размял запястья и, выбрав горн покрасивее, воткнул в него трофейный меч.

Система продолжала следить за происходящим через камеры. Маленький инспектор без присмотра принца стал еще более беспощадным — всё то милосердие, что он копил, спасая муравьев, явно было возвращено небесам. Сейчас он, прищурившись, натягивал тетиву, целясь в карету беглого Цзян Шуня. Каждая стрела Юй Юньляна заставляла несчастного евнуха прощаться с жизнью.

Цзян Шунь теперь походил на глиняного идола, переходящего реку: его судьба висела на волоске, а все улики против него были в руках Юй Юньляна. Одна жалоба — и от него не останется даже пепла.

— Император — это «одинокий человек»... Но я не один, — небрежно бросил опальный принц.
— Подумайте об этом. А вино и впрямь недурственное.

Ци Цзю спрятал указ в широкий рукав, подбросил на ладони императорскую печать и, решив, что она станет отличным пресс-папье для Юй Юньляна, забрал её с собой.

Направляясь к Ведомству императорского гардероба в лучах утреннего солнца, он аккуратно прикрыл за собой двери алхимической палаты. Ему тоже нужно было переодеться перед великим советом.

Там, среди чиновников, его наверняка уже искал глазами один маленький инспектор.

Император явился на совет, и от его рукавов исходил тонкий аромат вина «Весна в нефритовых холмах». Вспышка ярости заставила его разбить ту проклятую чашу и разгромить

алхимическую палату, но государю всё же пришлось выйти к подданным.

Врата Фэнтянь сияли в лучах восходящего солнца. Торжественные речи лились рекой, создавая видимость незыблемости власти. Но под этим глянцем бурлили темные воды, скрывавшие отравленные стрелы.

Император так и не увидел Цзян Шуня. Последняя надежда угасла, и монарх бессильно осел на троне. Его роскошные одежды не могли скрыть печать тлена и упадка.

Гвардейцы, допустившие оплошность в охране города, получили свое наказание, но ради возвращения принца и весеннего праздника всё ограничилось лишь штрафами.

Опальный принц получил вожделенную усадьбу. Юный евнух, которому едва исполнилось восемнадцать, был назначен писцом Директората церемоний. Из казны потекли дары: серебро, жемчуг, драгоценные шелка.

В указе, зачитанном перед всеми, не было императорской печати — лишь слова о том, что принцу нужно поправить здоровье после пережитого потрясения. Никто не мог возразить: старое поместье и впрямь превратилось в руины, и, если не замять это дело сейчас, под удар попали бы родственники новой императрицы.

Опальный принц — «пострадавшая сторона» — всего лишь просил новый дом и немного сокровищ из семейных закровов. Это было внутренним делом династии. Любая попытка раздуть скандал лишь еще больше замутила бы и без того грязную воду.

Всё шло по плану. Император, сославшись на недомогание, объявил, что отходит от дел на три месяца.

Юй Юньлян в черном одеянии Директората церемоний стоял в тени, ничем не выдавая того яростного преследования, которое он устроил Цзян Шуню. Его взгляд был прикован только к Ци Цзю.

Три месяца без императорских советов... Этого времени хватит, чтобы Ци Цзю окреп. В голове юноши зрел новый план: как сделать так, чтобы по истечении трех месяцев государь почувствовал себя плохо еще на год. А там, глядишь, он и вовсе угаснет от «внезапной хвори».

Ци Цзю не должен был ничего заподозрить.

«Шкала энергии на пределе. Как твой яд? Проявил себя? — Система обсуждала ситуацию с Ци Цзю. — Потерпи немного, не вздумай залить тут всё кровью».

Ци Цзю сидел в кресле, дарованном императором, и лениво вертел в руках цветок абрикоса.

«Постараюсь».

«На твоей руке рана, кровь всё еще сочится, — предупредила Система. — Юй Юньлян вот-вот заметит».

Принц спрятал левую руку в рукав, пока Система, обернувшись бинтом, обматывала рану.

«Неужели в Бюро нет лекарства, заживляющего раны за секунду?»

«Есть, но в древних мирах его использовать нельзя. В следующий раз выбери мир будущего, там такие штуки в ходу», — отозвалась Система.

Законы человеческого тела были неумолимы. Даже если скрыть рану снаружи, яд всё равно уйдет внутрь. С виду здоровый человек может внезапно рухнуть замертво от одного прикосновения.

Ци Цзю не понимал:

«Почему мне вечно достаются такие сюжеты?»

Система и сама была в замешательстве:

«...Надо будет спросить у руководства. А пока — затяни узел».

Принц затянул бинт на запястье, скрыл его под широким рукавом и продолжил слушать цветистые речи чиновников. Сил на разговоры почти не осталось. Тело, истощенное ядом и недавним всплеском внутренней энергии, работало на пределе. Ци Цзю намеренно не сдерживался — он хотел спровоцировать мощный приступ, чтобы разом вытеснить яд из костей. Первое очищение было самым важным.

«Еще немного, дочитывают последнюю страницу, — подбодрила Система. — Есть пожелания напоследок?»

Никто не знал, сколько раз Ци Цзю придется «переродиться» во время очищения и как долго он пробудет в буферной зоне. Система уже мечтала о горячем котелке и была готова отправиться за соусом прямо сейчас.

Ци Цзю о еде не думал:

«Не хочу харкать кровью на пол. Подстели что-нибудь».

«Договорились, я обернусь пленкой, не волнуйся», — пообещала Система.

Теперь усадьба полностью принадлежала им. Говорили, что господин Цзян Шунь проявил «щедрость» и отдал даже гору, расположенную за домом.

Ци Цзю закрыл глаза, направляя внутреннюю силу по меридианам, пытаясь удержать хрупкое равновесие между жизнью и ядом. Он словно шел по тонкой стальной проволоке над пропастью.

«У Цзян Шуня была припрятана целая гора».

Похоже, быть евнухом — весьма прибыльное занятие. Еще до работы в Бюро Ци Цзю мечтал о собственном поместье в горах, но тогда не хватило средств.

«Они все здесь гребут под себя, это в порядке вещей, — Система тоже нервничала, помогая ему балансировать. — Цзян Шунь ведь надеялся встретить там старость, когда отойдет от дел».

Ци Цзю было трудно говорить, но любопытство взяло верх:

«И что теперь?»

«Теперь у него даже таза для омовения не осталось, — съязвила Система. — Руки он теперь в реке Хуньхэ моет».

Юный инспектор, не прощающий обид, подпилит оси у кареты Цзян Шуня, и та развалилась на полном скаку. То, что евнух просто рухнул в реку Хуньхэ, а не свернул шею, было чистой удачей и защитой сюжета.

Ци Цзю слабо улыбнулся. Почувствовав, как кровь подступает к горлу, он снова закрыл глаза, подавляя приступ. Но не успел он сосредоточиться, как почувствовал на плече чью-то руку.

Маленький инспектор был невероятно дерзок. Занятый борьбой с ядом, Ци Цзю и не заметил, как Юй Юньлян, ставший евнухом-писцом, не дождался конца церемонии.

При свете дня юноша пробрался к нему. Ци Цзю подавил кашель и откинулся назад, доверяя свой вес этой руке.

— Ваше Высочество, — прошептал Юй Юньлян. — Долго вы еще собираетесь здесь сидеть?

Принц улыбнулся, не открывая глаз:

— Маленький инспектор хочет призвать меня к ответу?

В ответ рука Юй Юньляна лишь крепче сжала его плечо:

— ...Нет.

Голос Ци Цзю был слабым, в нем слышалась одышка. Юй Юньлян мечтал лишь об одном — поскорее забрать его отсюда.

— Ваше Высочество, примите пилюлю Хусиньвань.

— Уже принял, — принц коснулся его руки.

Но юношу было не провести — он знал, сколько лекарств было в ларце, и все они были на месте.

— Не можете проглотить?

Ци Цзю промолчал, и это было красноречивее любых слов. Юй Юньлян закусил губу, его рука, висевшая вдоль тела, мелко дрожала. Он сжал кулаки, прогоняя дурные мысли, и тихо произнес:

— Ничего, это просто слабость.

Лекарь говорил, что при сильном истощении желудок отказывается принимать пищу, и насильное кормление лишь навредит.

— Я нанял кучера. Как только совет закончится, я помогу вам сесть в карету, — продолжал юноша. — Просто отдыхайте...

Он не успел договорить — чтение молитвы наконец подошло к концу. Церемониймейстер затаил долгое «Собрание окончено».

Чиновники поднялись, желая императору долгих лет. Монарх на троне остался недвижим. Опальный принц, поддерживаемый юношей в черном одеянии, медленно покинул Врата Фэнтянь.

Путь до кареты был долгим. Ци Цзю опирался на плечо Юй Юньляна, скрытый от любопытных глаз толпой. В такой близости юноша отчетливо слышал его сердцебиение — прерывистое, неровное: то глухие удары, то замирание на несколько секунд.

Каждый такой сбой отдавался болью в груди Юй Юньляна. По спине стекал холодный пот, но он продолжал твердо вести принца.

Ци Цзю на мгновение потерял сознание, но тут же пришел в себя. Он похлопал юношу по плечу — «всё в порядке» — и чуть сжал его руку — «поехали домой».

Юй Юньлян уже понимал эти жесты без слов. Он помог Ци Цзю сесть в карету и бросил горсть серебра вознице. Спешить больше не было смысла — дорога и так обещала быть нелегкой.

Юноша опустил на колени в карете рядом с Ци Цзю, который пытался выровнять дыхание.

— Ваше Высочество... если станет совсем плохо — не терпите. Пусть кровь выйдет.

Он не мог заставить Ци Цзю принять лекарство, а отравленная кровь неизбежно попала бы на него самого, проникая в плоть.

Принц открыл глаза, коснулся руки юноши и вложил в нее цветок абрикоса

Юный инспектор замер, глядя на нежные лепестки.

— ...Ваше Высочество?

Ци Цзю сжал его пальцы, веля сохранить цветок. Юй Юньлян поспешно достал свой старый узелок и бережно спрятал в него подарок.

Видя это, Ци Цзю достал измятый императорский указ и тоже протянул ему. Юноша, решив, что это документ на усадьбу, аккуратно сложил его рядом с цветком.

Тогда Ци Цзю вытряхнул из рукава еще и императорскую печать.

Юй Юньлян:

«...»

Принц не выдержал и тихо рассмеялся, подавляя кашель.

— Забери всё... А под подушкой я оставил тебе несколько листков.

Там были схемы ловушек и механизмов, которые раздобыла Система. Усадьба была хороша, но совершенно не защищена. Гора за домом давала преимущество, а горячие источники — пути к отступлению, но восточную и южную стороны нужно было укрепить. Маленький инспектор был способным учеником — он справится и без подсказок.

— И еще списки... — добавил Ци Цзю. — Лекарства для тебя. Покупай и принимай вовремя.

Юй Юньлян понимал, к чему он клонит, и лишь молча кивнул, крепко обнимая его.

Ци Цзю больше ничего не говорил. Карета неслась во весь опор, и ему казалось, что он лишь на миг прикрыл глаза, как они уже оказались во дворе усадьбы.

Кучера отпустили на полпути. Юй Юньлян сам довел карету до дома и на руках перенес Ци Цзю в комнаты. Он делал это уверенно и бережно, боясь причинить боль.

Опираясь на него, Ци Цзю медленно шел к дверям.

— Ты... подрос?

Юноша вздрогнул.

— Не знаю... — хрипло ответил он.

— Подрос, — Ци Цзю коснулся его головы и улыбнулся. — Это хорошо.

Силы ненадолго вернулись к нему. Он даже поправил растрепавшиеся волосы юноши и вложил ему в руку сине-белую ленту с серебряным шитьем — еще один трофей из дворцовой гардеробной.

— Послушай меня.

— Мы боремся за жизнь, — мягко проговорил он, заглядывая в глаза юноше. — Не за смерть. Верно?

Его взгляд был теплым, в нем отражалось мягкое сияние солнца, словно в кубке с янтарным вином.

— Да, — ответил Юй Юньлян. — Я буду бороться за жизнь вместе с вами.

Ци Цзю снова улыбнулся:

— Послушный мальчик.

Он обнял юношу за плечи, на мгновение притянул к себе, а затем мягко подтолкнул к ступеням:

— Жди меня здесь.

Юноша замер, порываясь войти следом, но Ци Цзю уже скрылся в комнате и плотно закрыл дверь.

До Юй Юньляна донеслись звуки борьбы изнутри. Он до боли стиснул зубы, его руки дрожали. Юноша коснулся двери, не смея войти.

— Не открывай, — донесся до него голос Ци Цзю. — Иди постреляй из лука.

Юй Юньлян опустился на колени перед дверью:

— Ваше Высочество...

— Послушайся... Попадешь во все цели — награжу тебя жареным окороком, — Ци Цзю закашлялся. — Не бойся.

И, смягчив голос, добавил:

— Когда ты выпустишь все стрелы, мне станет лучше.

<http://bllate.org/book/16113/1597359>